

Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России

УДК:330.342; ББК:65.01; С711
DOI: 10.24412/2072-8042-2022-7-7-29

Андрей Николаевич СПАРТАК,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России,
Всероссийский научно-исследовательский
конъюнктурный институт
(119285, Москва, ул. Пудовкина, 4) – директор;
Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А),
кафедра международной торговли и внешней
торговли РФ – зав. кафедрой,
e-mail: Spartak@vniki.msk.ru

Аннотация

В статье рассматриваются этапы и закономерности происходящего в настоящее время перехода к новому мировому экономическому порядку, выделяются характерные черты этого перехода, связанные с усилением фрагментации современного мира (экономической, технологической, физической, военно-политической, информационно-сетевой), повсеместным ростом неопределенности и крайне высокой степенью политизации международной деловой повестки. Снижается роль глобальных регуляторов и повышается значение региональных механизмов сотрудничества и реагирования на кризисные ситуации. Конечный результат изменения структуры и конфигурации международной торгово-экономической системы пока не очевиден, но для России фактическая ситуация во внешнем контуре выглядит как холодная война 2:0 эпохи цифровых технологий. Сформулированы рекомендации по целесообразным акцентам и действиям России на международной экономической арене в условиях беспрецедентного санкционного и иного давления со стороны коллективного Запада.

Ключевые слова: мировой порядок, переход, этап, фрагментация, неопределенность, санкции, диверсификация, переориентация, координация.

Transition to the New World Economic Order: Essential Stages, Basic Features, Challenges and Policies for Russia

Andrey Nikolaevich SPARTAK,
Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of the RF, Russian Market Research Institute (VNIKI)
(119285, Moscow, Pudovkina, 4) - Director, Russian Foreign Trade Academy
(119285, Moscow, Vorob`evskoe shosse, 6A), Department of International Trade
and Foreign Trade of the RF – the Head, E-mail: Spartak@vniki.msk.ru

Abstract

The article examines the stages and patterns of the current transition to a new world economic order, highlights the key features of this transition associated with the increasing fragmentation of the modern world (economic, technological, physical, military-political, information and network), the widespread growth of uncertainty and an extremely high degree of politicization of the international business agenda. The role of global regulators is decreasing and the importance of regional mechanisms for cooperation and response to crisis situations is growing. The final result of changes in the structure and configuration of the international trade and economic system is not yet obvious, but for Russia the current situation within the external environment looks like Cold War 2.0 in the digital age. Suggestions regarding the important areas of focus and actions of Russia in the international economic arena in the face of unprecedented sanctions and other pressures from the collective West are presented.

Keywords: world order, transition, stage, fragmentation, uncertainty, sanctions, diversification, reorientation, coordination.

В последние годы мир столкнулся с целым рядом масштабных и острых проблем, главная из которых – ускорившееся нарастание энтропии в ключевых сферах функционирования современного общества. Усиление энтропии в глобальном масштабе проявляется, прежде всего, через дальнейший рост фрагментации в мире (экономической, технологической, физической, военно-политической, информационно-сетевой) и достижение экстремальных уровней неопределенности в международной экономике и политике. Факторы усиления фрагментации и неопределенности являются взаимосвязанными и обычно предшествуют переходу системы в новое качество, достижению новой точки равновесия.

В нашем случае речь идет о переходе к новому мировому порядку, в том числе экономическому порядку. Экспертное сообщество выделяет следующие основные черты нового миропорядка: эффективный полицентризм, завершение эпохи гегемонии США и доллара в глобальном развитии, повышение роли национально-государственных интересов в политике, региональная/блоковая концентрация производства, цепочек поставок, валютно-финансовых операций, большая технологическая и цифровая/сетевая обособленность ключевых стран и групп государств с ростом конкуренции за результат. Сопровождающие указанный переход рост фрагментации и неопределенности вызвали масштабную трансформацию и дестабилизацию сложившихся мирохозяйственных устоев и практик межгосударственных отношений.

В данной статье не ставится задача соотнести происходящие изменения со сменой технологических укладов¹, волнами/циклами глобализации² или же ее содержательными этапами³. Вопросы влияния долговременных факторов экономического развития на смену миропорядка, сопровождающуюся изменениями в структуре (отношения между элементами) и конфигурации (соотношении меж-

ду элементами) международной торгово-экономической системы, представляют большой научный интерес, но требуют самостоятельного исследования. Акценты в настоящей статье сделаны на определении этапности, характерных проявлений и эффектов перехода к новому мировому экономическому порядку, а также на вызовах и возможных мерах реагирования для России.

По нашему мнению, происходящий в настоящее время переход к новому мировому порядку можно разделить на три этапа, и мы сейчас находимся в завершающей фазе перехода, характеризующейся тотальной гибридной войной коллективного Запада против России и крайне высокой политизацией международной деловой повестки. Далее подробнее остановимся на каждом из этапов.

I этап можно датировать примерно периодом 2010-х годов, то есть прошлым десятилетием, хотя, конечно, предпосылки перехода к новому мировому порядку вызревали и ранее. К началу 2010-х годов Китай окончательно сформировался как крупнейшая экономическая держава, потеснил западные страны практически на всех мировых рынках и в целом, по мнению тех же западных экспертов, получил наибольшие выгоды от новой глобализации в терминологии Р. Болдуина. Семерка восходящих экономик (Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Россия, Турция) в 2010-х годах сравнялась, а затем и превзошла по экономической мощи «большую семерку» западных стран. Последние же понесли серьезные потери в результате мирового финансово-экономического кризиса 2007-2009 гг., стартовавшего в США, в ряде стран суверенная задолженность достигла критических и околокритических значений, а принятые программы количественного смягчения и вброшенная в обращение огромная финансовая ликвидность дестабилизировали валютные, фондовые и товарные рынки.

В этой ситуации еще более усилилась конкуренция за ресурсы, рынки сбыта и сферы влияния. Ускорились процессы фрагментации международной торгово-экономической системы через создание мегарегиональных торговых соглашений нового поколения – было учреждено Транс-Тихоокеанское партнерство, велись переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству, в конце периода была завершена работа по формированию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства с участием Китая. Причем торгово-политические проекты с участием США изначально реализовывались в жесткой логике противодействия экономической экспансии и сдерживания Китая в провозглашенных зонах жизненных интересов Соединенных Штатов.

С приходом к власти в США в начале 2017 г. Д. Трампа мировое сообщество столкнулось с беспрецедентным ростом национального эгоизма и протекционизма в политике этой страны. Китай был объявлен экзистенциальной угрозой для Соединенных Штатов, Трампом через торговые войны, массовые торговые ограничения, преследование лидеров высокотехнологичного сектора КНР была предпринята попытка переписать итоги глобализации последних десятилетий. Под предлогом

борьбы с нечестными торговыми практиками КНР США фактически приступили к демонтажу ВТО и всей многосторонней торговой системы (произошел переход от регулирования, основанного на правилах, к регулированию, основанному на политико-силовых методах). Все сказанное резко подняло градус неопределенности в мировом экономическом развитии, вызвало повсеместный рост протекционистских настроений. С конца прошлого десятилетия фактор неопределенности оценивается бизнесом как определяющий в предпринимательской деятельности. В результате I этапа наметилась фрагментация ранее единого процесса экономической глобализации. На макроуровне проявлением экономической фрагментации стало замедление роста международной торговли относительно ВВП и снижение интенсивности торговли в рамках глобальных цепочек стоимости.

В этот же период сильно зазвучала тема обеспечения национальной технологической безопасности России (по причине западных санкций – ограничений на поставки ряда видов технологического оборудования и технологий в РФ из-за присоединения Крыма и поддержки Донбасса) и Китая (в связи с упоминавшимися рестриктивными мерами США в отношении китайского высокотехнологического сектора). Обострение соперничества США и Китая в научно-технологической сфере побудило последний осенью 2020 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва провозгласить курс на укрепление научно-технологической самостоятельности (технологического суверенитета) под лозунгом «Самостоятельность и самоусиление в науке и технике – главная опора экономического развития». Все сказанное фактически означало движение к технологической фрагментации мира.

II этап переходного периода начался с пандемии COVID-19 в 2020 г. и в основном завершился к началу 2022 г. со спадом и приспособлением мирового сообщества к условиям пандемии.

В 2020-2021 гг. из-за ковидных ограничений произошло резкое сокращение физического перемещения граждан между странами (соответственно кратно упали поставки услуг 2-м и 4-м способами, предполагающими физическое присутствие за рубежом для оказания или потребления услуг, значительно снизилась интенсивность пассажирских транспортных сообщений), а также имели место масштабные нарушения трансграничных цепочек поставок по причине приостановки/падения выпуска критически важных производств (как, например, полупроводниковых производств в китайском Ухане) и тех же пограничных ковидных ограничений. Кризис затронул и мировой рынок контейнерных перевозок, который оказался разбалансированным на многих направлениях, что привело к значительному росту фрахтовых ставок. В результате к возникшей на предыдущем этапе экономической фрагментации мира, которая усилилась вследствие ограничительных мер по стабилизации национальных рынков в условиях COVID-19 и дальнейшего количественного роста торгового протекционизма (были зафиксированы пиковые уровни

по мерам торговой защиты, техническим барьерам в торговле и др.⁴), добавилась физическая фрагментация мира. Сформировалось устойчивое межгосударственное социальное дистанцирование (с некоторыми послаблениями для перемещения граждан в самое последнее время), и произошла переконфигурация ГЦС, которые стали более компактными и приблизились к конечному потребителю.

Вследствие масштабных денежных вливаний для поддержки экономики в условиях COVID-19, приведших к дальнейшему увеличению давления глобальной финансовой ликвидности на рынки, возросших и труднопрогнозируемых пандемических рисков, участвовавших перебоев в функционировании цепочек поставок еще более усилилась неопределенность мирового развития, данный фактор по-сути стал главным риском для международного бизнеса. Возросшая глобальная неопределенность обусловила достижение крайне высоких уровней волатильности на рынках, прежде всего на товарных рынках, причем повышенной волатильностью характеризовались не только рынки традиционно «неспокойных» биржевых товаров, но и рынки переработанной, в том числе технически сложной продукции.

В целом экономики развивающихся стран пережили пандемию лучше развитых стран (ВВП Китая вообще увеличился в 2020 г.), и восстановительный рост в 2021 г. у них был выше, чем в западных странах. В итоге доля развивающихся экономик и формирующихся рынков в мировом паритетном ВВП достигла 58% в 2021 г., а Китая – 19%, что больше, чем суммарный показатель для США и Великобритании⁵.

По общему мнению, пандемия COVID-19 мощно простимулировала, с опережением на годы, переход мирового сообщества, бизнеса к повсеместному использованию информационных технологий и цифровых решений. Об этом в том числе свидетельствуют данные опроса McKinsey&Company, проведенного осенью 2020 г. (смотри ниже).

Пандемия как мощнейший катализатор цифровой трансформации экономики и торговли (по опросам и оценкам McKinsey & Company)

- ▶ Резко возросли потоки данных и торговля цифровыми услугами
- ▶ Резко выросла средняя доля потребителей, использующих преимущественно онлайн-каналы для приобретения товаров и услуг: в целом по миру с 20% в 2017 г. до 58% в 2020 г. (ускорение восприятия цифровых решений на 3 года)
- ▶ Резко выросла средняя доля предложения товаров и услуг, которые частично или полностью предоставляются потребителям в цифровом формате: в целом по миру с 29% в 2017 г. до 55% в 2020 г. (ускорение внедрения цифровых форматов на 7 лет)
- ▶ Все основные изменения (12), по мнению респондентов опроса McKinsey&Company, ускорились в 20-25 раз, чем предполагалось до пандемии, в т.ч. в случае внедрения технологий дистанционной занятости – в 40 раз
- ▶ Из 12 изменений респонденты, в первую очередь, отметили рост дистанционной занятости, изменение потребностей клиентов, предпочтения в пользу дистанционного взаимодействия, миграцию сервисов в облака. При этом свыше 2/3 респондентов считают, что эти изменения останутся и после кризиса
- ▶ Значительное ускорение динамики на рынках 3D продуктов и услуг, особенно на рынках ПО для технологий дополненной, виртуальной и смешанной реальности (рост в 10 раз к 2024 г. против 2021 г.)

Источник: McKinsey&Company. How COVID-19 has pushed companies over the technology tipping point – and transformed business forever. October 5, 2020. Survey. – 9 p.

В том же обзоре McKinsey приводятся слова одного из экспертов, что в результате пандемии мир получил бизнес 4.0, тогда как правительства и системы управления остались на уровне 2.0. Такое запаздывание в адаптации государства к трансформациям и новым процессам в бизнес-сфере может вести к возникновению сбоев в функционировании цифровой экономики, росту неопределенностей в области регуляторики и правоприменения, что особенно чувствительно, когда речь идет о массовом использовании в бизнесе цифровых технологий и решений.

Еще одно очень важное следствие пандемии и вызванных пандемией изменений в экономике и обществе сопряжено с ростом участия физических лиц, домохозяйств в экономических процессах и связанным с этим повышением роли эмоциональных факторов, социальных сетевых взаимодействий в принятии экономических решений. Наиболее яркий пример – стремительное расширение т.н. финансовой розницы (увеличение числа розничных инвесторов на фондовом рынке из-за сильного падения доходности традиционных финансовых инструментов, изменения восприятия риска, повышения доступности таких операций с новыми цифровыми решениями) и майнинговой активности частных лиц. При этом физлица – участники финансовых операций объединяются в соответствующие социальные сети и группы. С макроэкономических позиций указанные процессы означают

распространение потенциально негативных эффектов крайне высокой неопределенности в развитии мировой экономики на огромное число людей. Одновременно контролируемые физлицами значительные сегменты фондового рынка сами могут служить источниками повышенной волатильности из-за в существенной степени иррациональной природы принятия решений их участниками.

Проявлением усиления технологического национализма и жесткой конкурентной борьбы в технологической сфере с полномасштабным вовлечением государства в эту борьбу стало практически полное отсутствие международной кооперации при разработке средств предупреждения и лечения COVID-19 и последовавшее открытое недопущение вакцин конкурентов на подконтрольные рынки.

Под влиянием пандемии, при росте экономической, технологической и физической фрагментации мира и связанных с этим неопределенностей, усилилась всеобщая взаимосвязанность через Интернет, глобальные цифровые сервисы и платформы. И это можно было рассматривать как процесс, противостоящий фрагментации мира. Но такое положение сохранялось недолго.

III этап, наиболее драматичный, начался со второй половины февраля 2022 г. с переходом конфликтной ситуации на Украине в «горячую» фазу.

В течение марта-июня 2022 г. до предела обострилось противостояние России и коллективного Запада, третьи страны были поставлены перед жестким выбором, какую позицию занять в отношении российско-украинского конфликта. В условиях беспрецедентных антироссийских (и антибелорусских) санкций и угроз их применения к третьим странам мир оказался фрагментированным не только экономически, технологически и физически, но также в военно-политическом и информационно-сетевом отношении, причем в жестком варианте. Более того, на наших глазах происходит фрагментация ранее единого мирового транспортно-коммуникационного и платежно-расчетного пространства. Целостность современного мира нарушена, большинство традиционных норм управления и регулирования процесса глобализации перестали действовать, привычный всем глобальный порядок де-факто больше не существует.

14 марта текущего года Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш объявил о создании Группы глобального кризисного реагирования в продовольственной, энергетической и финансовой сферах в связи с широким распространением негативных последствий военного конфликта на Украине. В пресс-релизе Группы от 13 апреля 2022 г. отмечалось, что мир находится «на грани идеального шторма», о чем свидетельствуют результаты проведенного предварительного анализа, согласно которым порядка 1,7 млрд человек в 107 странах находятся под угрозой реализации хотя бы одного из трех рисков – продовольственного, энергетического или финансового⁶. Причины ухудшения глобальной ситуации – блокирующие антироссийские санкции и конфликт на Украине, приведшие к разбалансировке энергетического, продовольственного и ряда других стратегических рынков (удо-

брений, металлов – палладия, никеля, алюминия, инертных газов, таких как аргон и неон, др.), повсеместному и значительному повышению цен на соответствующие товары. Россия и Украина, а также Белоруссия (в части удобрений) являются крупными и крупнейшими производителями и экспортерами указанной продукции, поэтому ограничения и задержки поставок, трудности в проведении международных платежей в условиях санкций вызвали не только скачкообразный рост цен на зарубежных рынках, но и прямой дефицит данной продукции во многих странах⁷. Помимо развития кризисных явлений на стратегических товарных рынках, антироссийские санкции и военный конфликт на Украине спровоцировали ужесточение условий на финансовых рынках по всему миру, что отражает большее неприятие риска и еще более усилившуюся неопределенность.

Кристаллина Георгиева, директор-распорядитель МВФ, считает рост инфляции, вызванный повышением цен на многие важные виды продукции, наиболее серьезной угрозой для мировой экономики с последующим негативным эффектом на потребительские расходы, показатели деловой уверенности⁸.

Согласно апрельскому 2022 г. прогнозу МВФ, рост глобального ВВП в 2022 г. замедлится, по сравнению с январской оценкой, почти на 1 процентный пункт, наиболее заметно для стран Еврозоны и Великобритании. Динамика российского ВВП уйдет в «красную» зону.

Таблица 1

Влияние антироссийских санкций и украинского конфликта на динамику ВВП западных стран (по ППС, в % к предыдущему году)

	Оценка на апрель 2022			Справочно: оценка на январь 2022		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Мир в целом, в т.ч.:	6,1	3,6	3,6	5,9	4,4	3,8
Развитые страны, в т.ч.:	5,2	3,3	2,4	5,0	3,9	2,6
США	5,7	3,7	2,3	5,6	4,0	2,6
Еврозона	5,3	2,8	2,3	5,2	3,9	2,5
Великобритания	7,4	3,7	1,2	7,2	4,7	2,3
Япония	1,6	2,4	2,3	1,6	3,3	1,8
Канада	4,6	3,9	2,8	4,7	4,1	2,8

Источник: World Economic Outlook, April 2022: War Sets Back the Global Recovery – Washington, D.C.: IMF, 2022. – P. 6. World Economic Outlook Update, January 2022: Rising Caseloads, a Disrupted Recovery, and Higher Inflation – Washington, D.C.: IMF, 2022. – P. 5.

Среди государств, которые ввели и продолжают вводить жесткие антироссийские санкции, наиболее чувствительные потери понесут европейские страны. Проведенная ВАВТ на базе апрельского 2022 г. прогноза МВФ укрупненная оценка влияния антироссийских санкций и ситуации на Украине на экономику евро-

пейских стран показала, что практически вся первая десятка государств с самым сильным негативным эффектом – это страны Центральной и Восточной Европы (по мере убывания негативного эффекта – Польша, Литва, Словения, Латвия, Румыния, Словакия, Венгрия, Эстония, Болгария), за ними следует группа наиболее уязвимых западноевропейских государств – Италия, Великобритания, Люксембург, Германия, Австрия⁹. Высокая уязвимость указанных стран к текущей конъюнктуре и военно-политической ситуации связана с их сильной зависимостью от импорта энергоносителей и для многих – значительной интенсивностью торговли с Россией и Украиной в прежний период.

Причем с серьезными социальными проблемами сталкиваются ведущие страны Европы. Согласно прогнозу британского Национального института экономических и социальных исследований, в 2023 г. свыше миллиона граждан Великобритании могут оказаться за чертой бедности. По информации «Индепендент», уже сегодня 65% британцев вынуждены экономить на питании и потреблении энергии. Во Франции для смягчения последствий продовольственного кризиса на фоне растущих цен предлагается ввести так называемые продуктовые чеки. Увеличение числа беженцев с Украины только усугубляет ситуацию.

Таблица 2

Ранжирование европейских стран по убыванию негативного эффекта санкций и ситуации на Украине на экономические показатели (в сумме за 2022-2023 гг.)

		Негативный эффект в баллах		
		2022	2023	Сумма 2022-2023
1.	Польша	-2,846	-2,286	-5,132
2.	Литва	-3,489	-1,506	-4,995
3.	Словения	-2,498	-2,325	-4,823
4.	Латвия	-3,755	-1,049	-4,804
5.	Румыния	-2,839	-0,802	-3,641
6.	Словакия	-3,250	-0,317	-3,567
7.	Венгрия	-2,573	-0,769	-3,342
8.	Эстония	-2,519	-0,506	-3,025
9.	Болгария	-3,203	0,321	-2,882
10.	Италия	-2,015	-0,793	-2,808
11.	Великобритания	-1,839	-0,799	-2,638
12.	Люксембург	-1,654	-0,667	-2,321
13.	Германия	-2,028	-0,245	-2,273
14.	Австрия	-2,248	0,034	-2,214
15.	Хорватия	-2,158	0,071	-2,088

		Негативный эффект в баллах		
		2022	2023	Сумма 2022-2023
16.	Мальта	-1,638	-0,428	-2,065
17.	Кипр	-1,340	-0,326	-1,666
18.	Чехия	-1,653	0,096	-1,557
19.	Португалия	-1,569	0,020	-1,549
20.	Франция	-1,083	-0,358	-1,441
21.	Швейцария	-1,080	-0,320	-1,400
22.	Нидерланды	-0,760	-0,621	-1,381
23.	Греция	-1,346	0,004	-1,342
24.	Финляндия	-0,930	-0,189	-1,120
25.	Испания	-0,937	-0,128	-1,065
26.	Бельгия	-1,072	0,216	-0,856
27.	Швеция	-0,778	-0,044	-0,822
28.	Дания	-0,633	0,100	-0,533
29.	Ирландия	0,346	0,653	0,999
30.	Норвегия	3,022	2,156	5,178

Источники: расчеты ВАВТ.

Системные антироссийские санкции, стремление изолировать и выдавить Россию из мировой экономики резко ограничили перспективы постковидного восстановления в глобальном масштабе, породили хаос на товарных рынках как в плане цен, так и физической доступности товаров, привели к рекордному росту инфляции в санкционных и многих несанкционных странах, сильному падению доходов населения, общеэкономическим шокам (например, дефолт Шри-Ланки по внешним обязательствам из-за роста цен на энергоносители и продовольствие), число которых будет только множиться.

В докладе уже упоминавшейся Группы ООН по глобальному кризисному реагированию в продовольственной, энергетической и финансовой сферах от 8 июня 2022 г. отмечается, что новые потрясения, связанные с антироссийскими санкциями и ситуацией на Украине, наложились на тяжелые последствия пандемийного шока, которые большинство стран еще не сумели преодолеть. В результате не менее 1,2 млрд человек в настоящее время проживают в странах, одновременно сталкивающихся с острым финансовым, продовольственным и энергетическим кризисом¹⁰. Наложение санкционного шока на пандемийный шок вызвало беспрецедентное снижение уровня жизни миллиардов людей.

Неопределенность глобального развития сегодня достигла запредельно высоких уровней, ставящих под угрозу нормальное функционирование мировой экономики. Текущие острые дисбалансы и дефициты в мировых финансах, на энергетическом и продовольственном рынках, рынках удобрений и ряде других стратегических рынков в условиях глобального политического кризиса способны в определенный и недалекий момент обрушить мировую экономику¹¹. Первый необходимый шаг для предотвращения этого – снижение неопределенностей мирового развития до приемлемых уровней на путях дезэскалации и завершения «горячей» фазы российско-украинского конфликта, а также дезэскалации в части интенсивности антироссийских санкций.

Обозначившаяся экономическая, технологическая, физическая, военно-политическая и информационно-сетевая (в результате информационных войн), а также наметившаяся транспортно-коммуникационная и финансово-расчетная фрагментация современного мира не может быть преодолена в ближайшие годы. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от многих факторов: динамики увеличения роли Китая и других крупнейших развивающихся стран в мировой экономике и политике; успехов России в перестройке национальной экономики, повышении ее эффективности и технологического уровня для нейтрализации санкций, освоении несанкционных внешних рынков; глубины экономических потрясений вследствие нынешней ситуации и коррекции приоритетов развития в зарубежных странах (в том числе в плане сроков и конкретных параметров энергоперехода, о чем уже говорят многие политики, представители бизнеса и эксперты¹²); скорости и глубины процесса дедолларизации мировой экономики и реформирования международной валютно-финансовой системы на принципах, отвечающих изменившемуся глобальному раскладу сил, др.

Изменение структуры и конфигурации международной торгово-экономической системы сопровождается трансформацией механизмов управления ее развитием. Снижается роль общей регуляторной рамки, которая создается институтами глобального управления, поскольку она постоянно и массово нарушается участниками. Большее значение приобретают многосторонняя координация по глобальным вызовам (где она в принципе возможна) и региональные механизмы сотрудничества и реагирования на чрезвычайные/кризисные ситуации. Усиливается роль региональных торгово-экономических платформ с собственной финансовой и платежно-расчетной инфраструктурой. Страны и группировки вырабатывают индивидуальные иммунные ответы к нашествию «черных лебедей».

В условиях крайней неопределенности происходит генерализация принципа «just in case» (на всякий случай) во внешнеэкономической политике и практике. Максимально диверсифицируются партнеры и рынки, расширяется система двусторонних и региональных соглашений по обеспечению гарантий, страхования и

дополнительной поддержки международного бизнеса, создаются склады и запасы продукции как реакция на возможные нарушения цепочек поставок вследствие транспортно-логистических проблем, регуляторных изменений и административных ограничений, др.

НОВЫЕ АКЦЕНТЫ И ЗАДАЧИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Для России фактическая ситуация во внешнем контуре выглядит как холодная война 2:0 эпохи цифровых технологий. Но есть и существенные отличия от холодной войны прошлого столетия. С одной стороны, добавилось тотальное отрицание России во всех ее проявлениях, включая культуру и спорт, историю, традиции. Коллективный Запад стремится максимально исключить Россию из международной жизни, международных экономических отношений. С другой стороны, коллективный Запад и поддерживающие его отдельные страны сегодня представляют меньшую часть мировой экономики: на них в 2021 г. приходилось менее 44% глобального ВВП по ППС, соответственно на неприсоединившиеся к антироссийским санкциям страны – более 56%. Доля не применяющих санкции стран в населении мира – 84,5%, в общей площади суши – почти 75%. В экспорте несырьевых неэнергетических товаров России на данные страны падает 63%. То есть противники России представляют значимую, но объективно меньшую часть мирового сообщества и ресурсов. Хотя, конечно, в экспорте энергоносителей и импорте технологического оборудования и комплектации, сложной техники и электроники Россия сильно ориентировалась на нынешний антироссийский лагерь.

Действия России на международной экономической арене в сложившихся очень сложных условиях, на наш взгляд, должны учитывать и решать следующие задачи.

1. Дальнейшее повышение открытости отечественной экономики по отношению ко всем странам, заинтересованным в развитии торгово-экономических связей на принципах взаимной выгоды. Необходимо совершенствовать режимы и механизмы сотрудничества, укреплять взаимные гарантии, повышать надежность цепочек поставок, улучшать предпринимательский и инвестиционный климат в стране, последовательно снижая различного рода издержки, обременения для бизнеса. В своем приветствии для участников, организаторов и гостей XXV Петербургского международного экономического форума Президент России В. Путин особо подчеркнул, что Россия сохранит курс на открытость и расширение международного сотрудничества, развитие торгового и инвестиционного взаимодействия¹³.

Свидетельством роста открытости России по отношению к странам и компаниям, заинтересованным в развитии сотрудничества, являются меры по либерализации импорта и улучшению условий доступа иностранной продукции на рынок РФ. Это касается снижения/обнуления таможенных пошлин, разрешительного режима для параллельного импорта, активизации переговоров и решений, направленных

на взаимное признание статуса уполномоченных экономических операторов с ведущими партнерами. Фактически впервые за последние десятилетия импорт стал рассматриваться государством как равноправная с экспортом составляющая внешней торговли, обеспечивающая повышение технико-технологических возможностей России, устойчивое функционирование сложных производств и внутреннего рынка в целом. Вторичность импорта как объекта государственной политики в предшествующие годы объяснялась, в том числе, его чрезвычайно сильной потребительской направленностью, зачастую в ущерб развитию соответствующих отечественных отраслей, тогда как в настоящее время ситуация качественно изменилась. Импорт выполняет функцию поддержания промышленного, производственного потенциала страны в условиях беспрецедентной эскалации антироссийских санкций, создает условия для формирования новых производств и видов деятельности, в том числе в высокотехнологичных сферах, точно и эффективно решает проблемы выпадающих поставок товаров и услуг из государств санкционного лагеря. И в этом плане экспортные доходы все в большей степени становятся средством гарантирования поступления в Россию необходимого, критически важного для устойчивого социально-экономического развития импорта. Такое изменение ситуации на практике ставит задачу выстраивания максимально благоприятной регуляторно-административной рамки для импортеров на границе, в том числе путем реализации в масштабах страны и ЕАЭС проекта «единого окна» для всех видов внешнеторговой деятельности – экспорта, импорта и транзита. Сейчас же «одно окно» действует только для экспортеров, которые сами в большинстве случаев являются одновременно и импортерами.

Наряду с изменением баланса госполитики в паре экспорт-импорт, необходимой и неизбежной в нынешней ситуации представляется ребалансировка акцентов государственной политики в области привлечения иностранных инвестиций в экономику РФ и осуществления российских инвестиций за рубежом. Фактически под влиянием обстоятельств модифицируется формула открытости российской экономики: если ранее страна на уровне госполитики открывалась в основном через экспорт и интернационализацию (привлечении ПИИ), то в новых условиях будет усиливаться открытость через импорт и транснационализацию (российские прямые инвестиции за рубежом).

Реализация российских и совместных инвестпроектов в несанкционных странах сегодня приобретает исключительно важное значение для России. Во-первых, путем вложений в валютозарабатывающие, импортозамещающие на емких рынках, значимые инфраструктурные проекты, то есть экономически выгодные и преимущественно высоколиквидные проекты, можно надежно и эффективно диверсифицировать валютные активы в иностранных государствах и защитить их от действий недружественных стран. Плюс получить хороший текущий доход на

этих проектах. Во-вторых, российские инвестиции в зарубежных странах могут и должны быть интегрированы в решение актуальных задач социально-экономического развития в условиях санкций, включая налаживание на территории несанкционных государств с привлечением компетенций и опыта партнеров производства дефицитных для РФ в данной ситуации частей, компонентов, материалов или же обеспечение доступа к ресурсам полезных ископаемых (в том числе редких и редкоземельных металлов) необходимых для ускоренного развития отечественных высокотехнологичных отраслей, микроэлектроники для достижения технологического суверенитета. В-третьих, в современных реалиях экспорт машинно-технической продукции в динамичные развивающиеся страны, как правило, обуславливается частичной и увеличивающейся локализацией ее производства на их территории. Поэтому для дальнейшего развития российского машинно-технического экспорта нужны инвестиции в создание сборочных/подрядных производств на территории стран-партнеров.

Все сказанное требует формирования государственной политики покрытия рисков, предполагающей и поддерживающей «высокий аппетит» к риску у страховых организаций, банков и бизнеса. Без мощной государственной поддержки зарубежной инвестиционной деятельности отечественных компаний они не зайдут на большинство развивающихся рынков с высоким риском, а значит резко сузится круг инвестиционных партнеров России (тем более, что закрыт доступ на рынки санкционных стран). Речь идет, прежде всего, о страховании российских инвестиций, в том числе прединвестиционных расходов на разработку ТЭО, геологоразведку и др., но также об информационно-консультационной, маркетинговой поддержке продвижения отечественных инвесторов. Отдельное направление работы – налаживание связей и позитивное представление проектов с российским участием населению и местным элитам (здесь особая роль принадлежит диппредставительствам), формирование положительного имиджа инвестпроекта, соответствующего требованиям ответственного ведения бизнеса и стандартам ESG-комплаенса. Таким образом Россия обеспечит системное долговременное присутствие на внешних рынках в национальных интересах.

Что очень важно, меняется политэкономия участия России в международных торгово-экономических связях. Значимость максимизации профицита торгового баланса объективно снижается в условиях многочисленных ограничений по импорту (прямых запретов поставок, корпоративных отказов торговать с Россией, трудностей с логистикой и расчетами), а также в связи со сложностью эффективного размещения валютных резервов. В современной ситуации надо двигаться в сторону более сбалансированной внешней торговли, где экспорт, прежде всего, призван обеспечить необходимый для решения внутренних задач импорт и профинансировать целесообразные инвестпроекты России за рубежом. При этом до-

стижение большей сбалансированности взаимной торговли с партнерами облегчит использование расчетов в национальных валютах и иных недолларовых платежно-расчетных схем. Уменьшение актива по счету текущих операций и увеличение прямых инвестиций России за рубежом в среднесрочном периоде могут сопровождаться тенденцией к снижению международных резервов страны.

2. Поиск новых партнеров и расширение рынков сбыта в развивающихся странах за счет диверсификации российского предложения товаров и услуг, а также вследствие вынужденной переориентации части поставок с государств, применяющих антироссийские санкции, на альтернативные рынки.

По оценке ВАВТ с использованием методики расчета экспортного потенциала Центра международной торговли ЮНКТАД/ВТО, существуют значительные возможности увеличения российских продаж на рынках развивающихся государств и стран СНГ по широкому кругу несырьевой неэнергетической продукции¹⁴. Ниже приведена таблица с расчетом потенциала увеличения экспорта из России в страны, не применяющие санкции, в среднесрочном периоде. Из 11 стран с потенциалом свыше 1 млрд долл. 8 представлены крупнейшими развивающимися государствами (КНР, Индия, Турция, Египет, Вьетнам, Бангладеш, Бразилия, Мексика), и 3 являются участниками СНГ (Казахстан, Узбекистан, Белоруссия).

Таблица 3

Топ-25 несанкционных рынков для российского экспорта несырьевых неэнергетических товаров (по методике Центра международной торговли ЮНКТАД/ВТО, потенциал увеличения поставок к среднему уровню 2016-2020 гг., без учета закрытых позиций, млн долл.)

Место в рейтинге		Всего	АПК	Высокий передел
1	КНР	15 359,7	3 232,3	3 286,1
2	Индия	3 395,1	472,8	278,7
3	Турция	3 199,6	123,7	794,2
4	Египет	2 061,2	496,7	320,8
5	Казахстан	1 987,0	483,0	862,0
6	Вьетнам	1 725,6	341,3	214,3
7	Бангладеш	1 368,0	407,2	144,2
8	Узбекистан	1 365,8	404,1	323,5
9	Бразилия	1 230,1	150,8	315,7
10	Мексика	1 143,2	85,0	369,1
11	Белоруссия	1 085,9	386,7	367,4
12	Алжир	784,7	452,1	81,8
13	Индонезия	780,6	322,3	107,1
14	ОАЭ	696,6	89,5	251,1
15	Филиппины	681,8	312,3	133,9
16	Саудовская Аравия	623,6	121,1	262,0
17	Таиланд	567,7	89,1	82,2

<i>Место в рейтинге</i>		<i>Всего</i>	<i>АПК</i>	<i>Высокий передел</i>
18	Иран	503,0	141,3	175,9
19	Кувейт	452,2	130,6	209,0
20	Израиль	439,4	83,9	212,5
21	Киргизия	434,3	121,5	257,0
22	Сербия	422,4	41,3	130,6
23	Гонконг	386,4	125,9	152,1
24	Нигерия	352,3	194,9	81,4
25	ЮАР	325,3	92,9	129,4

Источник: расчеты ВАВТ по методике Центра международной торговли ЮНКТАД/ВТО.

Приведенные здесь и далее оценки экспортного потенциала носят индикативный характер, поскольку системные антироссийские санкции со стороны коллективного Запада создали значительные неопределенности в развитии международной торговли в целом, а также серьезно ограничили возможности физических поставок отечественных товаров на внешние рынки и расчетов по ним, породили у многих контрагентов российских компаний опасения применения в их адрес вторичных санкций, что может непредсказуемым образом влиять на торговлю.

Исследования ВАВТ показывают, что абсолютное большинство поставлявшихся до начала специальной военной операции российских товаров в западные страны могут быть переориентированы на альтернативные рынки – вопросы касаются сроков, дополнительных издержек и ценовых дисконтов такой диверсификации.

Слабое место России – высокая концентрация экспорта на топливно-сырьевых товарах и материалах в условиях санкций имеет несомненное преимущество вследствие универсальности спроса на базовые сырьевые позиции и полуфабрикаты, а также отдельные ресурсоемкие товары конечного потребления (например, удобрения). Сложнее всего переориентировать продукцию, сделанную под конкретный высокотехнологичный заказ. Но ее не так много. По оценке ВАВТ, на подобные изделия при поставках в США в сумме за 2019-2021 гг. приходилось около 1,2 млрд долл., или менее 3% всего российского экспорта (это – части и изделия из титана для Боинга, ракетные двигатели, фирменные масла и смазки для них, изотопная продукция).

Проведенный анализ для Евросоюза по российскому экспорту несырьевых неэнергетических товаров показал значительные возможности сбыта отечественной продукции, в прежний период поставлявшейся в Европу, на альтернативных рынках. Для оценки заменимости рынков ЕС-27 на экспорт в несанкционные страны были отобраны 50 наиболее значимых несырьевых неэнергетических товаров (без золота) по среднегодовой стоимости поставок из России в Евросоюз в 2016-2020 гг. (для всех товаров эта величина превышала 100 млн долл.). Использовались

6-значные товарные позиции (в отдельных случаях – группы 6-значных позиций) по данным и методике расчета экспортного потенциала Центра международной торговли ЮНКТАД/ВТО.

Из 50 выделенных позиций больше всего приходилось на черные и цветные металлы и изделия из них (черные металлы и изделия из них – 12, цветные металлы и изделия – 7), далее шли каучук и шины для автомобилей (6), удобрения (5), химическая продукция (5), продукция растениеводства – пшеница, жмых, шрот, жом, семена (5), рыба и морепродукты (3), лесоматериалы (3), продукция машиностроения – ТВЭЛы, легковые автомобили, турбореактивные двигатели (3), драгкамины – бриллианты (1).

С точки зрения замещимости рынков ЕС-27 поставками в несанкционные страны проведенный анализ потенциала увеличения экспорта российских несырьевых неэнергетических товаров в последние по группе выбранных наиболее значимых 6-значных позиций показал следующее:

- по 21 позиции (42% к итогу) экспорт в ЕС с точки зрения потенциального спроса на российскую продукцию может быть полностью/практически полностью компенсирован ростом поставок на несанкционные рынки;
- по 14 позициям (28% к итогу) текущий экспорт в ЕС может быть в существенной степени компенсирован ростом поставок на несанкционные рынки;
- по 15 позициям (30% к итогу) текущий экспорт в ЕС не может быть компенсирован ростом поставок на несанкционные рынки, что требует дополнительного анализа рыночных возможностей.

В Топ-10 несанкционных стран с точки зрения потенциала увеличения поставок из России по группе из 50 наиболее значимых несырьевых неэнергетических товаров, экспортировавшихся в прежний период в ЕС, входят крупные развивающиеся рынки (КНР, Индия, Турция, Вьетнам, Египет, Бангладеш, Бразилия, Алжир, Мексика) и Узбекистан.

3. Уточнение векторов внешнеэкономической политики России в связи с качественно изменившейся ситуацией. На наш взгляд, «разворот на Восток» не вполне корректно отражает задачи и интересы РФ в современных условиях. Во-первых, Россия ни к кому не поворачивается спиной и готова работать со всеми заинтересованными странами, принципиально придерживается многовекторности во внешнеэкономических связях. Во-вторых, на Востоке ряд важнейших для РФ торгово-экономических партнеров присоединились к антироссийским санкциям, включая Японию, Республику Корею, Тайвань, Сингапур. Кроме того, Восток ассоциируется с АТР, АТЭС, куда входят главный инициатор санкций – США, а также Канада. В-третьих, «разворот на Восток» сопровождается растущей концентрацией внешнеторговых потоков России на Китае, утяжелением экспортной структуры, где все большую долю занимают энергоносители; в результате усиливаются позиции КНР при обсуждении ценовых и иных условий контрактов с РФ.

Представляется целесообразным обозначить как приоритет для внешнеэкономической политики России, наряду с СНГ и ЕАЭС, весь развивающийся мир, или так называемый глобальный Юг, где, кроме Тихоокеанской Азии, важное значение для России имеют страны Южной и Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки. Особое внимание необходимо уделить арабо-исламскому миру, традиционно насторожено относящемуся к западным странам и не поддерживающему антироссийские санкции. В Организацию исламского сотрудничества сегодня входят 56 государств, на которые приходится почти 15% глобального ВВП по ППС и 25% мирового населения. Многие из членов ОИС являются крупными торгово-экономическими партнерами РФ, в ОИС направляется около 50% всего российского продовольственного экспорта и 77% экспорта зерновых (2021 г.). Немаловажно и то, что в ОИС входят 6 стран СНГ (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), а в России проживает около 20 млн мусульман. Нельзя пренебрегать развитием торгово-экономических отношений с малыми островными государствами – это возможности для диверсификации направлений сотрудничества, десятки голосов в ООН и на других многосторонних площадках.

В текущей сложной ситуации требуется корректировка интеграционной повестки России – в гибких форматах расширение зоны интеграции на пространстве Евразии в контексте формирования Большого Евразийского партнерства. Переход интеграционных проектов и механизмов на макрорегиональный уровень может оказать эффективную поддержку процессам структурной перестройки и модернизации экономики России и всего ЕАЭС, будет способствовать территориальной концентрации и снижению издержек функционирования значимых для решения актуальных социально-экономических задач цепочек добавленной стоимости. При этом ЕАЭС сохранится как интеграционное ядро, но со смещением акцентов на расширение внешнего контура интеграции, тогда как во внутренней повестке не следует спешить с усилением наднациональности Союза, продолжая работать над созданием полноценных общих рынков.

4. Обеспечение устойчивого функционирования внешнеэкономических связей России, что требует серьезной перестройки организации и техники внешней торговли с учетом блокирующих антироссийских санкций со стороны коллективного Запада, изменившихся политических и экономических реалий. Прежде всего, это касается логистики и страхования внешнеторговых операций, проведения внешних расчетов.

В логистике, в силу ограничений морской и воздушной транспортировки (закрытие зарубежных портов и воздушного пространства для РФ, отказ от перевозки российских грузов иностранными судовладельцами и экспедиторами, др.), объективно повышается роль исключительно или преимущественно сухопутных маршрутов в направлении несанкционных стран (Восточной, Центральной и Южной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки). Особую актуальность приоб-

ретаёт запуск в полноценную эксплуатацию западной ветки МТК «Север-Юг» (через Азербайджан, Иран на Индию и Ближний Восток). Возрастает значимость морских маршрутов с непосредственным участием России (Севморпуть, проект возрождения национального морского торгового флота, налаживания прямых контейнерных линий в страны Африки и Латинской Америки, создания собственной портовой и складской инфраструктуры в указанных странах – RusTransAtlantic). Глобально стоит задача выстраивания в перспективе подконтрольной России морской логистики, обслуживающей существенную часть российских внешнеторговых перевозок, что позволит увеличить добавленную стоимость в торговле и снизить риски нарушения поставок. В краткосрочном периоде необходимы меры по переориентации российских поставок на грузоперевозчиков из несанкционных стран – Китая и др. Параллельно с логистикой надо решать вопросы укрепления базы страхования грузоперевозок в РФ и на региональном уровне, прежде всего в сфере перестрахования грузов, чтобы преодолеть ограничения и прямые запреты западных стран предоставлять страховое покрытие транспортировки российских товаров, прежде всего топлива.

В части расчетов необходимо дальнейшее развитие альтернативных долларовой (и в других санкционных валютах) схем расчетов – в национальных валютах, клиринговых (в том числе в формате многостороннего клиринга), проведение бартерных и компенсационных сделок, др. Принципиально важным является развитие в России и на пространстве ЕАЭС биржевых механизмов торговли товарами для расширения использования рубля как валюты ценообразования.

Нужно изучить возможности применения международно-правовых инструментов для поддержки и обеспечения устойчивости торгово-экономического сотрудничества России с зарубежными странами. Это может касаться разработки на региональном/двустороннем уровне типовых контрактов, определяющих условия (в части транспортировки, расчетов, страхования, использования торговых обычаев и коммерческого арбитража, др.), обеспечивающие нормальные торговые отношения в условиях санкций; усиления страховых и гарантийных механизмов сотрудничества, в том числе в рамках соглашений о взаимной защите и поощрении капиталовложений, путем создания совместных гарантийных фондов; деятельности в ВТО по оспариванию отдельных санкционных ограничений и вторичных санкций, которые могут быть введены в отношении партнеров России.

В условиях санкций и угрозы применения вторичных санкций значительно возрастает значимость диверсификации потенциальных партнеров РФ по различным проектам, особенно в сфере импортозамещения. Для этих целей целесообразно шире использовать возможности российских и зарубежных в несанкционных странах информационно-сервисных платформ с функционалом организации контрактного производства (выполнения коммерческих заказов на производство продукции), действующих по принципу промышленного Амазона, значительно облегчающих и ускоряющих выстраивание производственных цепочек под конкретную

задачу. Такая платформа для работы в Восточной и Юго-Восточной Азии действует под эгидой Российско-Сингапурского Делового совета.

Налаживание с участием несанкционных стран контрактного производства в интересах российского бизнеса, местных партнеров, а также, возможно, партнеров из третьих стран позволит обходить ограничения на прямые поставки необходимых товаров в РФ. По имеющейся информации от индийских партнеров, со стороны России поступает много запросов на поиск местных компаний для организации контрактного производства.

Интеграционные и межгосударственные объединения с участием России могут существенным образом способствовать повышению устойчивости внешнеэкономических связей страны в условиях санкций. Речь, прежде всего, идет о ЕАЭС и СНГ, а также о БРИКС и ШОС. На этом уровне могут решаться вопросы с транспортом и логистикой, увеличением страховочной и перестраховочной емкости, внедрением альтернативных долларовой схем расчетов, применением устойчивых к санкциям модальностей торговли и регуляторных норм, усилением финансовых и инвестиционных гарантий, противодействием вторичным санкциям. Например, в новых условиях можно вернуться к вопросу учреждения рейтингового агентства БРИКС (возможно, совместно с ШОС), обсудить возможность создания перестраховочной организации БРИКС, различные недолларовые схемы расчетов, в том числе в национальных цифровых валютах.

5. Постепенный, но последовательный переход от разовых (case by case) решений по организации и технике торгово-экономического сотрудничества с зарубежными странами в условиях санкций к системным решениям для конкретных страновых/региональных направлений. Это задача может решаться в том числе путем создания сети торговых домов с участием России на перспективных несанкционных рынках для накопления и последующего применения практик и компетенций по обеспечению нормальных условий торговли (логистика, страхование, расчеты, урегулирование споров, др.), несмотря на санкции и прочие ограничения. Деятельность торговых домов может охватывать как двусторонние торгово-экономические связи, так и аспекты взаимодействия с санкционными странами, когда дело касается технических аспектов торговли. Для обеспечения должного качества и надежности работы торговых домов на страновых рынках необходимо создать механизм мониторинга и независимой сертификации их деятельности, например, под эгидой ТПП РФ.

6. Особые условия импортной деятельности в сегодняшней ситуации, по-видимому, требуют настройки системы таможенного регулирования и администрирования, в том числе в части категорирования участников ВЭД по профилям риска. Это связано с появлением в импортном секторе небольших трейдеров для проведения закупочных операций по широкому спектру продукции в рамках российского законодательства, но с использованием нетрадиционных торговых схем.

Такие компании, как правило, не имеют длительного позитивного опыта взаимодействия с таможенными органами и накопленной положительной репутации, могут работать в «серых» торговых зонах, а потому при стандартном подходе таможенной службы могут попадать в высокую категорию риска. Соответственно таможенное оформление для них в действующей парадигме будет сильно затруднено. Поэтому актуальной задачей становится пересмотр критериев категорирования участников ВЭД.

7. Усиление координации в области внешнеэкономической политики РФ, поскольку в современной ситуации требуется четкое взаимоувязанное понимание задач и интересов России на тех или иных страновых и региональных направлениях. Вопросы экспорта, импорта, инвестиций, участия в инфраструктурных проектах, др., – все это должно рассматриваться в комплексе для достижения антисанкционного эффекта с привлечением российского загранаппарата и института межправкомиссий. Наибольшим потенциалом для координации различных аспектов внешнеэкономической политики и внешнеэкономических связей России обладает Минэкономразвития, в рамках которого необходимо создать специальное подразделение координации и внешнеэкономического планирования. За рубежом следует учредить в сетевом формате экономический офис Правительства РФ для координации внешнеэкономической работы, осуществляемой сегодня многочисленными представительствами министерств и ведомств, госкорпораций, госкомпаний и банков, субъектов РФ, общероссийских объединений предпринимателей в иностранных государствах. Изучить вопрос о целесообразности создания правительственной комиссии по оперативному управлению внешнеэкономической сферой с участием всех заинтересованных ведомств и организаций. Перечень значимых и срочных тем для рассмотрения очень велик.

Становление нового миропорядка происходит крайне болезненно, в ряде случаев оказываются утраченными преимущества прежней глобализации, уровни фрагментации и неопределенности мирового развития, политизации деловой повестки достигли критических значений. В такой нестабильной и практически непредсказуемой ситуации значительно повышается значение дипломатии вообще и экономической дипломатии, в частности, как искусства возможного в сложившихся условиях. Для обоснования целей и задач РФ на международной экономической арене в качественно изменившихся условиях стране остро необходима новая внешнеэкономическая стратегия, причем не инструментальная – про «одно окно» для экспортеров и подобные вещи, а содержательная – с расстановкой приоритетов по странам и регионам, рынкам, направлениям и способам действий по преодолению системных ограничений для развития внешнеэкономической деятельности (в области транспорта и логистики, страхования, внешних расчетов, гарантий и должной защиты российских участников ВЭД, обеспечения нормальных условий торговли с несанкционированными странами, др.).

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См., например, Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. – 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 288 с.

² См., например, World Trade Report 2013: Factors shaping the future of world trade – Geneva: WTO, 2013. – 336 p. Globalization, Growth and Poverty: Building an Inclusive World Economy (Chapter 1 “The New Wave of Globalization and Its Economic Effects”). A World Bank policy research report: Washington, D.C: World Bank and Oxford University Press, 2002. – 187 p.

³ Vanham, P. A brief history of globalization. World Economic Forum Annual Meeting, 17 January 2019. URL: <https://www.weforum.org> (date of application 07.05.2022). Baldwin R.E. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016. – 344 p.

⁴ Спартак А.Н., Кравченко Ю.Б., Ключевые мирохозяйственные тренды в текущем десятилетии // Российский внешнеэкономический вестник, №12, 2021, с. 7-26.

⁵ World Economic Outlook, April 2022: War Sets Back the Global Recovery – Washington, DC: IMF, 2022. – P. 115.

⁶ Dire consequences of the war on global food, energy and financial markets could upend millions of lives. United Nations. Press Release. 13 April 2022, New York. – P.1.

⁷ Economic and Social Impacts and Policy Implications of the War in Ukraine [Electronic resource] – OECD, 2022. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/4181d61b-en_index.html?itemId=/content/publication/4181d61b-en (date of application – 15.04.2022).

⁸ The war in Ukraine is Likely to Slow Global Growth, the I.M.F. Warns. // The New York Times. – 10.03.2022.

⁹ Для получения сводной оценки использовались следующие показатели из прогноза МВФ: динамика реального ВВП, индекс потребительских цен (декабрь к декабрю), сальдо госбюджета в % к ВВП, сальдо текущих операций платежного баланса в % к ВВП. В качестве базы оценки бралась разница между предыдущим прогнозом (до начала специальной военной операции) и последним апрельским 2022 г. прогнозом МВФ, выраженная в процентных пунктах с соответствующим знаком. Каждому показателю, исходя из его экспертноопределенной значимости, был присвоен свой коэффициент пересчета в баллы при общей сумме баллов, равной 1: ВВП – 0,4; индекс потребительских цен – 0,25 (поскольку для ИПЦ, в отличие от других показателей, ухудшением является рост ИПЦ, коэффициент в расчетах берется со знаком минус); сальдо госбюджета – 0,2; сальдо текущих операций платежного баланса – 0,15. Полученные путем перемножения на соответствующие коэффициенты величины изменений суммируются по каждой стране. Далее страны ранжируются по убыванию негативного эффекта за 2022 г., а также в сумме за 2022-2023 гг. В нашем случае предыдущий прогноз для ВВП основных стран по WEO, January 2022 Update, другие показатели основных стран и все показатели по остальным странам брались по WEO Database, October 2021.

¹⁰ Global impact of the war in Ukraine: Billions of people face the greatest cost-of-living crisis in a generation. UN Global Crisis Response Group on Food, Energy and Finance. Brief №2, 8 June 2022. – P. 3.

¹¹ Глава крупнейшего американского банка JPMorgan Chase & Co. Дж. Даймон на финансовой конференции, состоявшейся 1 июня в Нью-Йорке, призвал готовиться к урагану в мировой экономике, в том числе к рекордному взлету цен на энергоносители и продовольствие.

¹² Например, представители Saudi Aramco считают, что в условиях нехватки в мире резервных мощностей в энергетике возможно потребуется пересмотр концепции «зеленого» перехода.

¹³ [Электронный ресурс] – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/letters/68577?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fstory%2FPutin_zayavil_chno_2020-egody_budut_periodom_ukrepleniya_ekonomicheskogo_suvereniteta_Rossii--66af109c81618e0543de94f60f7e30ac (Дата обращения – 06 июня 2022 г.).

¹⁴ Спартак А.Н., Хохлов А.В. Совершенствование методологических подходов к анализу российского экспорта / Российский внешнеэкономический вестник, №5, 2016, с. 3-15.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Кузнецов А.В. Разворот на Юг: партнеры и форматы. Эксперт, №22, 30 мая 2022 г. @@ Kuznecov A.V. Razvorot na Yug: partnery` i formaty`. E`kspert, №22, 30 maya 2022 g.

2. Спартак А.Н., Кравченко Ю.Б. Ключевые мирохозяйственные тренды в текущем десятилетии / Российский внешнеэкономический вестник, №12, 2021, с. 7-26 @@ Spartak A.N., Kravchenko Yu.B. Klyuchevy`e mirohozyajstvenny`e trendy` v tekushhem desyatiletii / Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik, №12, 2021, s. 7-26.

3. Спартак А.Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. – М.: ВАВТ Минэкономразвития России, 2018. – 456 с. @@ Spartak A.N. Sovremennyy`e transformacionny`e processy` v mezhdunarodnoj trgovle i interesy` Rossii. – М.: VAVT Mine`konomrazvitiya Rossii, 2018. – 456 s.

4. Economic and Social Impacts and Policy Implications of the War in Ukraine [Electronic resource] – OECD, 2022. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/4181d61b-en_index.html?itemld=/content/publication/4181d61b-en (date of application 15.04.2022).

5. Global impact of the war in Ukraine: Billions of people face the greatest cost-of-living crisis in a generation. UN Global Crisis Response Group on Food, Energy and Finance. Brief №2, 8 June 2022. – 25 p.

6. McKinsey&Company. How COVID-19 has pushed companies over the technology tipping point – and transformed business forever. October 5, 2020. Survey. – 9 p.

7. World Economic Outlook, April 2022: War Sets Back the Global Recovery – Washington, DC: IMF, 2022. – 199 p.

